

БАШКИРСКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ (XVIII ВЕК)

THE BASHKIR LANDS IN THE ORENBURG REGION (THE XVIIIth CENTURY)

I. Bulyakov

Annotation

In the article the author restored stages of the incorporation of the Bashkir lands in the Orenburg province in the XVIIIth century. He estimated forms of submission of Bashkirs to the regional government. Also he describes major reasons for the failure of the traditional methods to establish the most optimal methods of the management of the Bashkir realm, which could eliminate the main causes of Bashkir revolts.

Keywords: The Orenburg region, Bashkir lands, state traditions, integration, incorporation.

Буляков Ильнур Ильдусович

*Институт истории,
языка и литературы
Уфимского научного центра РАН*

Аннотация

В статье восстанавливаются этапы инкорпорации башкирских земель в состав Оренбургской губернии в XVIII веке. Автором дана оценка формам подчинения башкир региональной власти. Также раскрываются основные причины отказа от традиционных и установления наиболее оптимальных методов управления башкирским краем, устранявших главные причины башкирских восстаний.

Ключевые слова:

Оренбургский край, башкирские земли, государственные традиции, интеграция, инкорпорация.

В середине XVI в. значительно расширяется территория Московского государства за счет включения в его состав Поволжья и Урала. При этом в его состав вошли народы, которые разительно отличались от коренного населения Московии типом хозяйствования, религиозным воззрением, формой общественных отношений. Так, в башкирском крае правительство столкнулось здесь с социальными отношениями, которые не позволяли использовать традиционные методы управления путем включения наиболее лояльной части местной элиты в состав служилого сословия России. В этих условиях присоединение башкир шло по пути адаптации существующих традиционных институтов башкирского общества к государственной структуре Русского государства.

Принятие башкирскими родами русского подданства осуществлялось на определенных условиях. Последние предусматривали традиционные для башкир отношения с центральными властями, сложившиеся у них в период существования власти золотоордынских ханов. Одним из условий было предоставление башкирам широкой внутренней автономии со своими органами управления. Структура управления была рассчитана на тесное взаимодействие с главами башкирских родоплеменных образований. В то же время уфимские власти не обладали какими-либо правовыми или административными средствами вмешательства в деятельность общинного самоуправления. Были сохранены прежняя аристократичес-

кая верхушка в лице биев (новое наименование должностей – староста и сотник), старейшин (аксакалы), тарханов (в т. ч. от зо-лотоордынских ханов перешло к русскому царю и право жалования тарханства) и другие институты власти (йыйын, совет аксакалов) с сохранением прежних прав и функций. Также был сохранен и шариатский суд. Другим условием присоединения башкир к Русскому государству стало сохранение вотчинного права на их земли, существовавшее со времен Чингисхана. Последнее, в свою очередь, предопределило уникальный правовой статус башкирского общинного землевладения, повлияло на все важнейшие социально-экономические процессы в крае.

Таким образом, при принятии башкир под свое подданство царская власть использовала золотоордынские методы и приемы государственного управления, принципы отношения центра с регионами, что предопределило уникальный статус башкир в составе Русского государства с сохранением вотчинного права на родовые земли и с широким внутренним самоуправлением. Подобная система управления башкирским краем без каких-либо серьезных изменений имела место во второй половине XVI – до начала 30-х гг. XVIII в.

В проекте И.К. Кирилова по организации Оренбургской экспедиции башкирам была отведена существенная роль в дипломатических и военных акциях прави-

тельства на юго-восточной границе. Однако при-влечение на службу башкирских тарханов и старшин предполагалось в рамках уже существующей системы управления. Никаких административных изменений, за исключением некоторых кадровых перестановок, И.К. Кирилов не предусматривал.

В условиях начавшегося в 1735 г. очередного башкирского восстания Кирилов разработал долгосрочную программу ликвидации власти родоплеменной знати. Были сформулированы как административные, так и экономические методы ее ослабления. Составленный Кириловым проект подавления башкирского восстания и дальнейших мероприятий по Оренбургской экспедиции "Покорнейшее рассуждение к рассмотрению..." лег в основу именного указа Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. [4, с. 741–745] Главное назначение указа заключалось в недопущении восстаний в башкирском крае в будущем, ликвидации условий, позволявших башкирам сопротивляться политике центра. Для достижения этой задачи предусматривалась целая серия мероприятий военного, политического и экономического характера, означавших официальный отказ от условий, на которых башкиры вошли в состав Русского государства. Указ открыл дорогу для "законного" перехода башкирских земель в руки дворянства и провозгласил линию на ослабление башкирского народа путем уменьшения его численности и широкой колонизации края. Соответствующим образом была подорвана традиционная привилегия родовой знати распоряжаться родовыми вотчинными владениями, создана правовая база для массовой крестьянской, помещичьей и заводской колонизации территории расселения башкир. Помимо этого прежнюю наследственную знать (фактически не зависящую от администрации), заменили избираемые и утверждаемые в должности российскими властями старшины.

Серьезным ограничениям подверглись все институты общинного самоуправления, в частности – народные собрания. Однако следует учесть то, что на йыйынах, как правило, решались вопросы организации безопасности башкирских волостей. С началом строительства оренбургской пограничной линии главную роль по обеспечению пограничной стражи взяли на себя российские власти. В новой системе обороны края не было места прежним организаторам пограничной службы, но требовались надежные исполнители указов военных властей, способные по-велевать своими сородичами. Указом от 11 февраля 1736 г. было запрещено "без позволения городовых командиров сборищев делать". Им было разрешено тогда проведение только "обыкновенного старинного мирского сбора о семике", который собирался на один день у речки Чесноковки около Уфы, где башкирским старшинам было дозволено "о нуждах мирских советовать и письменно доносить и бить челом" [4, с. 743]. Таким образом, важный атрибут башкирского самоуправления – йыйын – был упразднен указом сверху еще в

1730-х гг. и сохранился в памяти людей, трансформировавшись в народное празднество.

Правительственные мероприятия 30-х гг. XVIII в. затронули и мусульманское духовенство. Они проходили в рамках общих мер по освоению края, осуществляемых Оренбургской экспедицией. В инструкции, данной руководителю экспедиции И.К. Кирилову императрицей Анной Иоанновной в 1734 г., указывалось, что правосудие должно основываться на обычаях народов, населяющих край [3, с. 11]. Это положение было подтверждено в сенатском указе, принятом в том же году в связи с многочисленными обращениями башкир, мишарей и тептярей в центральные органы власти с жалобами на Уфимскую воеводскую канцелярию, игнорирующую решения шариатских судов на местах.

В условиях башкирского восстания 1735–1740 гг. начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов и начальник Комиссии башкирских дел А.И. Румянцев в рапорте императрице Анне Иоанновне от 16 декабря 1735 г., касаясь религиозных проблем, отмечали, что все 10 ахунов в крае выходцы из казанских татар, их верность российской короне сомнительна, а деятельность фактически неподконтрольна местным органам власти. Они считали необходимым сократить число ахунов и объявить их "о всяких худых поступках объявлять и не таить, и никого из других вер в свой закон не приводить и не обрезать" [4, с. 743].

Реакцией Анны Иоанновны на предложения администраторов явился указ от 11 февраля 1736 г. По указу число ахунов в крае сократилось до четырех, то есть приходилось по одному на административную единицу – дорогу. Хотя выборное начало в отношении их сохранялось, окончательное утверждение в должности теперь происходило в Уфе. Ахуны обязывались принести присягу на верность царю. В 40-х гг. XVIII в. правительство полностью реализовало религиозную программу. Высшее мусульманское духовенство теперь находилось под влиянием местной администрации, которая постепенно сужала прерогативы шариатского суда. Так, из его ведения Уфимская провинциальная канцелярия изъяла утверждение всякого рода имущественных сделок и договоров, земельные вопросы, дела о кражах [8, с. 36]. Ахуны и имамы в ходе судебных разбирательств испытывали сильное давление должностных лиц, к тому же принятые постановления часто отклонялись по прихоти чиновников. В компетенции третейско-шариатских судов оставалось лишь решение мелких вопросов в присутствии старшины. При этом с каждого челобитья взималась 50-копеечная пошлина.

По упомянутому указу 1734 г. разрешалась деятельность третейских судов не в каждом населенном пункте как прежде, а только "в одних знатных селениях, куда челобитчики и ответчики съезжаться и судиться долж-

ны" [1, с. 164]. В этих больших деревнях на сходах выбирались по два человека почетных стариков – тубекарты, и мулла.

Реформированию подверглась и организация военной службы башкир. В течение XVIII в. среднее командное звено в лице тарханов и батыров – еще один пережиток золотоордынских традиций военного дела башкир – постепенно исчезает из официального делопроизводства [5, с. 172]. Первыми исчезли батыры. Так, в 1742 г. императрица Елизавета Петровна в ответном слове, сказанном при ее коронации башкирам, перечисляет все группы башкирского общества: "Башкирцам всех дорог и родов тарханам, батырям, старшинам и всему Башкирскому народу на-ша императорская милость" [5, с. 172]. Уже при Екатерине II тарханы сохраняются в системе военной организации башкир, о батырах же упоминаний нет. Окончательно использование термина "тархан" в официальном делопроизводстве отмирает лишь в первой трети XIX в. в связи с введением кантонной системы [2, с. 97–99].

Таким образом, коренные преобразования в области управления Оренбургским краем в 30–40-е гг. XVIII в. привели к серьезному переосмотру традиционных форм подчинения башкир региональным властям. Серьезным ограничениям подверглись все институты общинного самоуправления. Прежние старосты, являвшиеся предводителями рода, чья власть передавалась по наследству,

уступили место выборным старшинам. Под запретом оказались самовольные всенародные собрания – йыйыны. Отныне башкиры имели право съезжаться на съезды лишь в определенное время и только после согласования с центральными властями. Были сужены prerogatives шариатского (третейского) суда. В этот же промежуток времени было положено начало смене военных традиций башкир времен Золотой Орды военными традициями российской императорской армии. Именно в этот период было положено начало интеграции башкирского общества в общеимперскую структуру.

Назначаемость местной верхушки, однако, сохранила тесную связь последней с традиционным башкирским обществом. К концу XVIII в. центральная власть ясно понимала необходимость создания надежной социальной опоры в крае, которая беспрекословно исполняла бы волю Российского правительства, не допуская на подвластных территориях каких-либо выступлений и волнений народных масс. Осуществить это на практике было возможно только путем уравнивания сословно-привилегированного и имущественного статуса башкирской элиты и рядового российского чиновничества по примеру казахских войск [7, с. 143].

В 1789–1790 гг., во время русско-шведской войны, четыре пятисотенных башкирских полка, полк мишарей под командой капитана Б. Мертвого участвовали в русско-шведской войне в Финляндии [6, с. 135–139]. При-

мечательно, что в этой войне башкиры впервые получили полковую организацию вместо сотенной. Полковая организация была заимствована у донских казаков, которые из иррегулярных войск первыми интегрировались в военную структуру Российской империи. Еще одной особенностью этой войны было то, что башкиры участвовали в боевых действиях наравне с регулярными войсками, в спешном строю, а в конце войны получили положенные всем участникам наградные медали [5, с. 173].

Удачное использование кочевников в войне со шведами натолкнуло Оренбургского военного губернатора О.А. Игельстрома к предложениям по лучшему устройству Оренбургского корпуса. Он считал, что иррегулярные войска должны иметь "некоторое подобие регулярным войскам, как по виду, так и в значениях <...> снабжая их из казны по примеру казачьих полков жалованием, провиантом и прочим содержанием" [5, с. 173]. Реализация его плана привела к созданию кантонной системы управления в башкирском крае, которая способствовала уничтожению родовой структуры башкирского общества, окончательно завершила процесс интеграции, и в целом инкорпорации башкир в состав империи. Вместе с ней у башкир военные традиции времен Золотой Орды сменились военными традициями российской императорской армии.

Введение кантонной системы управления в крае оправдало надежду правительства в плане предупреждения башкирских бунтов, окончательного умиротворения края и создания плацдарма для дальнейшего наступления на Среднюю Азию.

Серьезные изменения произошли в религиозной политике Российской империи в башкирском крае. Отдельные попытки использования силовых методов, окончившиеся неудачей, заставили центральную власть с середины XVIII в. перейти к политике сотрудничества с религиозной верхушкой народов, исповедующих ислам. Одним из самых важных событий в этом ряду стало учреждение в 1789 г. Оренбургского магометанского духовного собрания как государственного религиозного учреждения. Одновременно правительству при создании мусульманской управленческой структуры удалось решить важную задачу: были взяты под контроль все служители исламского культа, которых можно было использовать при проведении своей политики среди мусульманского населения как внутри России, так и за ее пределами.

Таким образом, на протяжении XVIII в. мы наблюдаем постепенный процесс интеграции башкирских земель в состав Оренбургского края и инкорпорации башкирской национальной элиты в состав служилого сословия страны, который можно разделить на ряд этапов: XVI в. – 30-е гг. XVIII в. – существование широкой автономии башкирского общества наряду со слабым контролем центра над жизнью местной региональной элиты; 1730-е гг. – конец XVIII в. – переходный этап, ограничение внутреннего самоуправления башкир с началом вмешательства государства в дела региональной элиты и переходом к назначаемости местной верхушки; с конца XVIII в. – переход к полному подчинению национальной элиты и полному контролю внутренней жизни башкирской общины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
2. Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 160 с.
3. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края / Сост. А.И. Добросмыслов. Т. I. 1734. Оренбург, 1900. 305 с.
4. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. IX. 1733–1736. СПб.: Типография II Отделения Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1026 с.
5. Рахимов Р.Н. Традиции Золотой Орды в военном деле башкир XVII–XVIII вв. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции "Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)". 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Издательство "ФЭН" АН РТ, 2009. С. 170–174.
6. Рахимов Р.Н. Участие военно-служилых сословий Южного Урала в походах Российской армии в 90-е годы XVIII века: по материалам РГАДА и РГВИА // Археография Южного Урала. Уфа, 2001. С. 135–139.
7. Тагирова Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 164 с.
8. Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1940. 112 с.